

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ЯЗЫКА
Статья 1. «ОПРАВДАНИЕ» ЛОГОСА

О.Б. ПАНОВА

Культ Слова в русской культуре

Русская философия языка, вернее, *философия слова, имени*, изначально развивалась в мировом общефилософском и, более того, очень широком историко-культурном контексте. Ее многовековая история определяется самой логикой развития русской философии в целом, софиологической традицией Всеединства в русской культуре, совпадает с историей духовного становления России, включая непрерывный диалог с наследием восточной мудрости и западноевропейской философской мыслью и восходит к религиозному культу Слова и Тишины – благоговения перед Словом, «свидетельствующим об Истине»¹. С.С. Аверинцев отметил ключевое судьбоносное *событие* ее самообретения, знаменующее коренное изменение самого русского мировоззрения, – принятие *христианства* и искреннее, глубоко сердечное, восприятие благой вести, Слова Евангельского Откровения, Христианского Логоса, Логоса Любви. Ученый показал, какое исключительное значение имело это событие (которое на самом деле было событием всемирного, вселенского масштаба, означая исторически решающий момент в судьбе Человечества, весьма важный всеобщий сдвиг Культуры²) для становления русской словесности, насколько серьезную – *мировозренческую* – роль сыграло христианство в истории русской культуры. «Каким бы ни было богатство автохтонных традиций восточно-славянского язычества... *только с принятием христианства* русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальные измерения. Она соприкоснулась с теми библейскими и эллинистическими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур и до известной степени роднят ее с культурами исламского круга... Из греческого наследия русские ученики восприняли веру в вещественность, субстанциальность слова, которое не только *verbum*, не только *rhēma*, но и *logos*. Слово здесь не просто звук и знак, чисто «*семиотическая*» реальность, но и драгоценная сакральная субстанция»³.

Питаясь от родных корней языческого мифопоэтического мировосприятия Славянского культурного мира, творчески входя в круг эллинских проблем, русский логос обретает себя в стихии

восточно-христианского дискурса под непосредственным влиянием византийского богословия. Лингвофилософское течение охватывает тысячелетия истории русской культуры. Философское постижение природы Языка осуществлялось общими усилиями русской живописи, духовная вершина которой – древнерусская иконопись, безмолвное художественное восприятие Слова-Откровения, «философия в красках»⁴ (Феофан Грек, Андрей Рублев, Дионисий Ферапонтовский); богословских учений Средневековой Руси (Сергий Радонежский, Нил Сорский, Артемий Троицкий, Максим Грек), воспринявшей традицию духовных практик исихазма⁵, «почитающей слово событием нашей сокровенной жизни»⁶; русской софиологии и философии всеединства (В.С. Соловьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Л. Шестов, Н.О. Лосский, В.Ф. Эрн, Б.П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин, Г.В. Флоровский, В.В. Зеньковский); русского имяславия (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев); русского неокантианства (А.Н. Введенский, П.И. Новгородцев, Б.А. Фохт, А. Белый, Б.Л. Пастернак, Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко), русской словесности и русской поэзии (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, Ф.И. Тютчев, В.В. Набоков, И.А. Бродский и многие другие), превращаясь в единый творческий поиск русским богословием, русской мыслью сути Божественного Логоса, Слова-Откровения. Соответственно его специфика может быть понята только исходя из своеобразия русского логоса в его целостности, только с учетом особенностей русской культуры и русского мировосприятия.

В чем состоит это своеобразие? Наиболее убедительно суть его выразил А.Ф. Лосев, попытавшийся с вершин русской философской мысли охватить одним взглядом всю ее историю, проникнуть в истоки и выявить основания философского мышления: «... здесь мы должны быть *мифологами*, потому что почти вся русская философия являет собой до-логическую, до-систематическую, или, лучше сказать, *сверх-логическую, сверх-систематическую* картину философских течений и направлений... Только в России существует такая острая нехватка философских систем. Наверное, в этом есть глубокий смысл. Причина этого не только во внешних условиях, но, скорее, прежде всего, во внутреннем строении русского философского мышления... Основание западноевропейской философии – *ratio*. Русская философская мысль, развившаяся на основе греко-православных представлений, в свою очередь во многом заимствованных у античности, кладет *в основание* всего *Логос*. *Ratio* есть человеческое свойство и особенность; *Логос* *метафизичен и божественен*... Русская *самобытная* философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным богочеловеческим Логосом и является беспрестанным,

постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин Космоса конкретным и живым разумом»⁷. Генетически заложенное, унаследованное благоговение перед Словом («Почти две тысячи лет православный Восток таинственно носит в себе святыню религии Слова») — именно оно и сотворило русскую философию, живущую «религией Слова, религией Логоса»⁸. Русские мыслители и богословы глубоко сознавали, что Всеединый Боготворческий, Миротворческий акт осуществляется как *Целомудрие*, являя всю полноту Божественной Мудрости: Мир творится одновременно и Словом, и Любовью, первоначально, отражая Лик Божий, предстает в подлинном образе Истины-Добра-Красоты, пронизанный светом Разума, Духа, Жизни. Благодаря этой искренней вере в *софийность Слова* и состоялась русская философия, и был осуществлен в истории мировой философской мысли проект философии всеединства. Не случайно создававшаяся вокруг культа *Сло-вест-ности* философия состояла в генетическом родстве с великой русской литературой, была однородна искусству и поэзии — была словом о Боге, *богословием*. В целом, русский логос заявляет о себе не только в штудиях профессиональных философов, напряженный философский поиск идет в живописи, музыке, театре, великой русской литературе и поэзии, искусстве танца и балета — все это способы и формы реализации русской философской мысли, единое интеллектуальное пространство ее осуществления и выражения в языке великой русской культуры. Более того, русская культура представила подлинный способ бытия философии, сопряженной в единое целое с другими культурными практиками и являющей себя из этого эстетического единства религии, искусства, поэзии, как это было когда-то в глубокой древности Всемирной Культуры Человечества, когда философская мысль греков возникла из целостного мифопоэтического мировосприятия, всеобщего культурного опыта Древнего Мира, накопленного тысячелетиями.

Интерпретация пролога *Евангелия от Иоанна* представлена в трудах многих русских философов; наиболее глубокое его толкование находим в «Философии имени» С.Н. Булгакова: «*В начале было Слово — “ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος”*», — в начале мирового бытия, в космическом архее, в мѐональной первоматерии бытия, в потенциальной его жажде было исполняющее ее, вносящее свет Слово, в котором все получало свое имя, свою раздельность... все возникало к бытию для себя и для другого, как *слово-мысль*. Это Слово Мира и в Мире, космический логос, есть прямое действие Логоса Божественного: *и Слово бе к Богу “καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν”*. Эта обращенность мирового логоса к Богу, выражаемая предлогом *πρὸς*... В нашем чтении получается такая транскрипция: *в начале было Слово, и Слово было к Богу, и Бог был Слово*. Итак, Мировое Слово возводится здесь к своему источнику — Божественной Ипостаси Логоса, который светит в Мировой Логос и дает

ему всю силу миротворческого различения... *Именование Богом* надо понимать как *онтологическую основу мысли и знания, которая лежит в основе человеческой речи и мысли...* Итак, надо различать в прологе Евангелия от Иоанна две мысли о Логосе: о Логосе в себе как Божественной Ипостаси, как Боге, и о логосе, действующем в мире, хотя и обращенном к Богу, энергию Логоса в мире, Софию. И этот Логос в творении имеет пребывание и средоточие в человеке, как образе и подобии Божиих: в Нем (в Логосе) была жизнь, и жизнь была свет человекам⁹. Логос Божий, действующий в Мире и сердцах человеческих, есть вселенская взаимосвязь, исток и цель Миро-творения, Свет Истины-Добра-Красоты – «тройственного образа совершенства»¹⁰ Мира; в Нем проявилась и вошла в Мир Любовь Божия, этот незыблемый основополагающий закон бытия всего Мира. Он – средоточие истории Человечества, ибо в Нем заложен Божий замысел о Мире и Человеке. Слово софийно, Его посредством достигается *связь* Бога с Миром и Человеком, осуществляется *синергия* (греч. слово, первоначально означающее коллективное сотрудничество, кооперацию, в восточно-христианском дискурсе понятие стало прилагаться к богочеловеческим отношениям)¹¹, встреча и сообщение, творческий взаимообмен, плодотворное сотрудничество двух энергий – Божеской и Человеческой, согласованное содействие и соединение свободной воли Человека с Божией благодатью, в результате чего открывается путь к претворению Человека, преобразению всего человеческого существа, конституирование человеческой личности, понимаемой как Божественная ипостась. И только сопричастность Божественному Логосу в Человеке, сотворенном по образу Божию, делает возможным *познание*, и потому постоянное обращение русских философов к Слову Откровения логически вытекает из стремления найти ту форму выражения Истины, которая была бы универсальной, обнимала бы человеческое сознание в целом.

Слово сотворило Культуру Человечества и было положено русскими мыслителями в основу философии культуры: «Слово – универсально, как само сознание, и потому-то оно... реальный... репрезентант всего культурного духа человечества: человеческих воззрений, понимания, знания, замыслов, энтузиазмов, волнений, интересов и идеалов... Речь, книга, литература, язык всего мира, *вся культура – слово*. В метафизическом аспекте ничто не мешает и космическую вселенную рассматривать как слово... В конечном итоге принципиальное рассмотрение *языкового сознания* всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое... есть не что иное, как *единство культурного сознания*. Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т.д... – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. *Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры*», –

пишет Г.Г. Шпет¹². При осознании столь высокой миссии Слова и Язык не ставился в русской философии исключительно в соотношение с Чистым Разумом, Чистым Сознанием, согласно доминирующему западноевропейскому варианту аналитической лингвофилософии, но воспринимался как Богом данный, как дар и откровение Божества – Слово есть «высший подарок Бога человеку... Все великие воспитатели людей налагали *долгое молчание* именно на тех, которые владели *даром слова*, именно в то время, когда больше всего хотелось им пощеголять словом, и рвалась душа сказать даже много полезного людям», – читаем у Н.В. Гоголя¹³. Слово нельзя *определить* или ограничить, ведь Оно хранит Целомудрие Бога, и потому причастность Языка Софии, Премудрости Божией и, соответственно, его исконная соприродность Истине, Добру, Красоте, Любви, Свету, Духу, Живому Всеединству Вселенной никогда не вызвала сомнений в русской культуре. Как в таком случае решалась русскими мыслителями ключевая проблема философии языка – проблема связи Языка и Сознания?

Язык и Сознание: проблема их соотношения в русской философии

Русская философия, сохранившая религиозные корни и не утрачившая исконно присущую ей религиозность (т.е. *связь: re-ligio* изначально означало «восстановление связи», «соединение»; «единосущность» с Божественным Всеединством Вселенной), оказалась особо восприимчивой к *λόγος ζῶνός* (живому, «самовозрастающему» Логосу, согласно Гераклиту) культур Древнего мира и в дальнейшем, входя в мировой общефилософский контекст, естественно, поддержала традицию философии жизни. Свою задачу в истории становления и развития мировой философской мысли она видела в «оправдании» Логоса: восстановлении его изначальной смысловой целокупности¹⁴, реконструкции Логоса как живого и цельного знания – *Целомудрия*, глубоко свойственного древним грекам в мифопоэтическую, мифо-эпическую эпоху рождения и «взросления» Логоса. В. Эрн посвятил рассмотрению и обоснованию важности этого момента специальную работу: «В понятии *логос* для меня объединяются все особенности той философии, которая основательно забыта современностью и которую я считаю единственно истинной... *Λόγος* есть лозунг, зовущий философию от схоластики и отвлеченности *вернуться к жизни и, не насилая жизнь схемами, наоборот, внимая ей, стать вдохновенной и чуткой истолковательницей ее божественного смысла, ее скрытой радости, ее глубоких задач...* *Λόγος* есть такая же попытка принципиального самоопределения мысли, как и *ratio*... Если рационализмом называется такая философия, которая сознательно избирает органом своего исследования *ratio*, то есть формальный рассудок, оторванный от полноты и бесконечного многообразия жизни, то позволительно назвать *логизмом* та-

кую философию, которая избирает органом своих постижений Λόγος — то есть разум, взятый вне отвлечения от живой и конкретной действительности, ей сочувственный и ее имманентно проникающий... Если рационализм берет разум в среднем разрезе, отсекая низы и верхи, то *логизм берет разум в целом*, бережно относясь как к темным корням разума, уходящим в хаос природной жизни, так и к священным вершинам разумного сознания... *Целое разума* реально далеко не у всех, скорее ни у кого, и *людскому сознанию не столько дано, сколько задано*... Логос есть коренное и глубочайшее единство постигающего и постигаемого, единство познающего и того объективного смысла, который познается. Истина этого первоначального единства была открыта великой эллинской философией и с незабвенной силой возведена на новую ступень сознания в глубокомыслии и глубочайшем внутреннем опыте христианства»¹⁵. В этом же контексте Г.Г. Шпет приходит к мысли о необходимости радикальной реформы *логики*, которая по сути своей должна быть не наукой о законах мышления и способах интеллектуальной деятельности в узком смысле, но *подлинным учением о Логосе* — универсальном Слове, вмещающем мысль, истину, мудрость, поэзию, имя, речь; живом творящем Слове, которое благословило Человека, стало Человеком, призванным в Мир, чтобы «сознать и сказать»¹⁶.

В результате русская философия, включившись в единый историко-философский процесс, подвергла критическому переосмыслению всю историю философии с древнейших времен и синхронно со становлением философии жизни на Западе (думается, что и со значительным опережением) на изначально религиозной основе создала свой оригинальный вариант философии жизни¹⁷, в истоке которой лежит интуиция *Всеединства* — всеобщей мировой связи, сокровенного родства всего и вся в Мироздании, вселенской взаимосвязи Человека, Мира, Природы, Бога. Она внесла собственный, весьма весомый, вклад в историю развития мировой философской мысли, противопоставив классической трансцендентальной философии свой от корней питаемый духовным опытом русской культуры проект *философии цельной жизни духа*¹⁸, идеалу чисто рационального познания западноевропейской философии «отвлеченных начал» — идеал сверхразумного и сверхлогического «*живого цельного знания*», органически связанного с верой и религиозным открытием, изначально приобщенного к Божественной Мудрости, логике Разума — логике Сердца¹⁹, логику Жизни, «логику Всеединства»²⁰. Это говорит о самобытности русской культуры, об особой глубине русской философской мысли, питающейся от живых мифопоэтических источников Славянского Мира и обретающей себя в стихии русского языка, испытавшего греческое влияние, но неотрывного от родных древнеславянских корней; о ее самостоятельности по отношению как к восточному, так и к западному стилям мышления, о выборе собственного философского пути

и мужестве в следовании ему. Предложенный ею и положенный в основу философствования принцип Всеединства, таким образом, есть принцип единства *«родного и вселенского»*. В.С. Соловьев, пытаясь создать философию, которая явилась бы «всеобъемлющим синтезом», также говорил о Всеединстве как о принципе, объединяющем философские науки в их совокупности, единящем всю философию, и статус «первой философии» признавал именно за «философией всеединства», теософией в его понимании: «Наше понятие абсолютно-сущего, составляющее исходную точку *первой теософической науки* и, следовательно, лежащее в основании *всей системы цельного знания*, *toto coelo* отличается от "абсолютного" рационалистической философии». «Настоящая же истина, цельная и живая, сама в себе заключает и свою действительность, и свою разумность и сообщает их всему остальному. Согласно с этим, предмет мистической философии есть не мир явлений, сводимых с нашим ощущением, и не мир идей, сводимых к нашим мыслям, а *живая действительность существ во внутренних жизненных отношениях*; эта философия занимается не внешним порядком явлений, а *внутренним порядком существ в их жизни, который определяется их отношением к существу первоначальному...* Из сказанного ясно, что *свободная теософия или цельное знание*, не есть одно из направлений или типов философии, а должна представлять *высшее состояние всей философии*»²¹. Отсюда — особое понимание Истины у русских философов, корни которого — в самобытном русском миропонимании. Язык, как и свойственно ему вообще, и в данном случае сохранил мудрость народа. В словаре В.И. Даля дается следующее толкование слову «истина»: истина — то, что верно, подлинно, правдиво, справедливо; истинный, истовый, истый — должный, подлинный, настоящий, сущий, точь-в-точь, капля в каплю, сын-то — истовый отец; «все, что *есть*, то *истина*, не одно-ль и то же *есть* и *естина*, *истина*»²². Истина — Естина в русском культурном контексте; Истина не ищется логическим мыслительным путем, не доказывается, не объясняется и не устанавливается свыше Гносеологическим субъектом, но естественно обретается «*живым*», а не отвлеченным знанием. Истина приходит как откровение, проявляясь в историческом времени как духовное, абсолютное, вечное; знать Истину — означает быть-в-Истине, жить в ней. Философская мысль рождается в стихии родного языка, и русские философы следуют традиции, принимая к живым родникам мудрости родной культуры. «Истина не есть какое-то соответствие чего-то с чем-то, как думает рационализм, превращающий при этом и субъект, и объект познания в двух меонов. *Истина онтологична. Познание Истины мыслимо только как осознание своего бытия в Истине*»²³. «Этот конкретный интуитивизм опирается на совершенно особенное понимание *истины*, которое пронизывает всю русскую мысль... Истина понимается не в современном смысле тождества представления

и действительности, а в старом религиозном смысле конкретного постижения *истинного бытия*, от которого человек отошел и к которому он снова должен возвратиться и укорениться в нем. *Истина* — это не только производная абстрактная категория познания; *в своем первичном смысле она выступает конкретной онтологической сущностью, сущностным основанием жизни*»²⁴.

Классическим направлением трансцендентальной философии была предложена версия *чисто рационального познания*, и сама философия, принципиально ориентированная на объяснение указанного способа и процесса познания, выступила преимущественно в качестве гносеологии. Познание возможно только посредством строго логических операций Чистого Разума, и Мир — данность Чистого Сознания — организуем лишь чистой мыслью. *Cogito*, Гносеологический субъект, Трансцендентальный субъект как Сознание вообще, формируя Разумный Мир и упорядочивая его по законам строгой логики, авторитарно устанавливает единую, абсолютную и вечную Истину. С точки зрения русских мыслителей, в этом и состояла проблема философов-классиков: под познавательными возможностями понимались исключительно возможности *Чистого Сознания*. Трансцендентальная философия, состоявшаяся в классическом варианте, все подчинила концепции Трансцендентального субъекта, дарующего свыше эмпирическим субъектам идеал истинного, доброго, прекрасного, справедливого, нравственного; Универсального Разума, вечным и неизменным законам которого неукоснительно должен следовать человеческий разум. Русские философы, сознавая, что Истина выше Разума, и подлинно философское познание Мира достижимо сверхлогическим, сверх-рациональным способом, повышенное внимание проявляли к экзистенциально-феноменологическим поискам западно-европейской философии жизни, к разработке на Западе обширного проекта неклассической философии, цель которого — в «оживлении» Разума²⁵, в придании Разуму жизненности, соотношения рационального с бесконечным богатством *иррационального* и обретение в итоге полноты и «всеединства» познания полноценным человеческим существом в совокупности разума, чувства, души и духа. Не случайно самобытная русская мысль в определенный момент выбора своего пути преодолела рационализм Декарта, отказавшись от его идеала самодостаточного и обособленного от «тайны Человека» *Ratio*, и оказалась более чуткой к христианской мудрости Б. Паскаля; «не теряя из виду и творчески перерабатывая результаты эволюции европейской философии, развивалась как бы вместе с Паскалем *на противоходе к ней*», «стремилась, словно вслед за Паскалем, вернуться к утраченным трансцендентным началам, искать пути духовного восхождения к Свету, Источнику Жизни, пребывать мыслью, помнящей о Боге и Его связи с миром и человеком... достичь полноты гиперлогического зна-

ния в целостности существования»²⁶. Чистому Разуму она сумела противопоставить *Чистое Сердце*, обращенное к высшему Совершенству Бога и исполненное любви к Богу, Миру, Человеку и Человечеству, понимая его как самое глубинное основание и средоточие внутреннего мира человека, корень и сокровенный центр человеческой личности. Ведь именно в сердце происходит богочеловеческое общение, и только посредством сердца становится возможным Бого-познание.

Интерес русских философов вызывала не работа чистой мысли, но мысль в ее рождении в живой языковой стихии, позволяющей мысли сбываться, воплотиться; ее внезапное возникновение из целостности эстетического опыта, «проблеск» из до-мыслительных глубин; ее живые корни, «источные ключи», «диалог мысли и тайны»²⁷. Где *родина* мысли? – вопрошают русские мыслители. В центре их внимания оказывается не Чистое Сознание само по себе, но Сознание, пребывающее в изначальном единстве с Миром; и даже не столько «критика Чистого Разума» и определение его границ и полномочий, сколько укорененность Разума в стихии иррационального, возможность *гармонии* рационального и *иного* – «живого знания», достижимого религиозным откровением, творческим озарением, мистическими интуициями, жизненной мудростью, сердечным переживанием, глубоким воспоминанием. И не случайно русская философия с ее онтологией всеединства оказалась особо восприимчивой к философии жизнетворчества Гёте и отдала ему предпочтение перед Кантом – именно благодаря его «метафизическому счастью» от сердечной родственности Миру. П.А. Флоренский пишет: «Сказать “да” Жизни – значит *оживить мысль*. Тогда... развернув крылья... мысль воспаряет над миром. Сократ впервые сознательно обратился к этому методу... Прорываясь сквозь оболочки нашей субъективности, сквозь омертвевшие отложения нашего духа, мысль философа прорывается к новому *соприкосновению с самой жизнью... мысль спует от себя к жизни и от жизни вновь к себе. Это снование ее есть диалектика, философский метод...* Но не задаваясь собрать свидетельства многих, сошлюсь на Гёте, его свидетельство заменит многие:

“Doch im Erstarren such ich nicht mein Heil,
Das schaudern ist der Menschheit bestes Teil;
Wie auch die Welt ihm das Gefühl verteure,
Ergriffen, fühlt er tief das Ungeheure. –

Но я не ищу своего спасения в равнодушной неподвижности; трепет есть лучшая часть человека; как ни дорого заставляет его свет платиться за проявление чувства, но, только испытывая волнение, он глубоко чувствует беспредельное”... *Удивление* есть зерно философии...

Взор любовно ласкает и нежит тайну действительности, удивившую философа... Плененная тайной, мысль льнет к ней и не может отстраниться от нее — *благоуханной розы...* Мысль волнуется, и приникает, волнуясь, к *тайне жизни...* так развивается эта Песнь Песней — *диалог мысли и тайны...* Философия — *слово природы, слово тайны мира, слово жизни. Слово же это — подобно розе.* Каждый лепесток диалектически благоухает Тайной, каждый есть имя Тайны, каждый — истинен, но — в отношении к *Истине, к Тому Слову Жизни, Которым “вся быша”*²⁸.

Принципы построения онтологии, выработанные доминировавшей кантовской трансцендентальной философией, — видение Мира как данности Чистого Разума, оформление и упорядочивание картины мира властью Трансцендентального субъекта, — далеко не во всем соответствовали задачам русской философии языка и слова. Чистый Разум самодостаточен и работает в своей собственной сфере, оперируя абстрактно-понятийными конструкциями, *формируя* трансцендентальную картину мира, гармонично *оформляя* универсальный мир Культуры и с точностью устанавливая границы. Русская философия предлагает свой вариант языковой онтологии: здесь языковая онтология — *онтология Всеединства*. При вдумчивом прочтении трудов В. Гумбольдта о Языке и интерпретации его лингвофилософской концепции с учетом историко-философского контекста «классической» просветительской эпохи русские философы языка акцентировали созвучное им важнейшее достижение философии жизни Запада — открытие *энергийной — творческой — природы* Языка («Язык и Жизнь — суть нераздельные понятия»²⁹). Логик Г.Г. Шпет отмечает: «... *языковое сознание... есть сознание диалектическое.* Всякое определение предмета языкового сознания по категориям отвлеченно-формальной онтологии (аналогично, например, предмету математики или отвлеченной механики) остается статическим и только запечатлевает принципиальную неполноту момента. *Здесь должна быть своя онтология — онтология динамического предмета,* где течет не только содержание, но где сами формы живут, меняются, тоскуют и текут. Содержание языкового предмета — *живой смысл* — течет и осуществляется в живых, творимых формах... Всякий смысл таит в себе длинную “историю” изменения значений... *Понимать слово, усматривать его смысл и значит осматривать единство в многообразии, видеть их взаимное отношение... значит, совсем коротко, конкретно жить в мире идей*»³⁰.

Таким образом, духовный и смысловой центр русской философии, живой корень русской философской мысли, ее истинная родина — Божественный, Богочеловеческий Логос, Божественное Откровение, в высшей степени Совершенное Слово, неотделимое от Бога — Любви, Истины, Добра, Красоты. В ее сокровенном истоке — совершенно особое религиозное, сакральное отношение к Слову, изначальная сакрализация Слова, восприятие Слова как Божественного Откровения,

Премудрости Божией, однажды сотворившей и непрерывно творящей Мир, вечно пребывающей в основе Красоты Миро-творения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Евангелие от Иоанна (18 : 37): «Пилат сказал Ему: итак, Ты Царь? Иисус отвечал: Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы *свидетельствовать об истине*; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего».

² Русский богослов Г.В. Флоровский утверждает, что проблема «христианство и культура» есть *постоянная* проблема в истории Культуры Человечества: «Христианство фактически вошло в мир в один из самых критических периодов истории, во время серьезного кризиса, который был в конечном итоге разрешен созданием культуры христианской... Ранние христиане стояли перед цивилизацией римского и эллинистического мира... сама эта цивилизация была изменчивой и неустойчивой, она пребывала в отчаянной борьбе и кризисе... Древний мир сопротивлялся обращению потому, что оно означало радикальное изменение и ломку его традиций... В данном случае важно то, что античная культура оказалась достаточно гибкой, чтобы воспринять внутреннее "преображение". Или же, другими словами, христиане доказали, что возможно переориентировать культурный процесс, придать иную форму самому строю культуры в новом духе». И перекидывает мост в современную кризисную эпоху, современность как таковую, акцентируя глубокую взаимозависимость утраты веры и кризиса Культуры: «...наша современная культура или цивилизация находится в состоянии *испытания*... наша эпоха есть эпоха критическая, век кризиса, век неразрешенных напряженностей. Сегодня часто приходится слышать о "конце нашего времени", об "упадке Запада", о "суде над цивилизацией", и тому подобное... Мы уже живем в мире "пост-христианском", в мире, который будь то осозанно или подсознательно, отшел или отпал от христианства. Мы живем на развалинах цивилизаций, надежд, систем и душ. Что именно мы хотим сказать, когда говорим о "кризисе культуры"? Мы утверждаем, что в основе нашего современного кризиса лежит именно *отход от христианства*, с какой бы исторической датой мы не связывали начало этого отхода. Наш век есть, прежде всего, век неверия, а значит – век неуверенности, неразберихи и отчаяния» (Флоровский Г.В. Вера и культура. Избр. труды по богословию и философии. – СПб.: РХГИ, 2002. С. 650 – 653, 661 – 663).

³ Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст-90. – М.: Наука, 1990. С. 64, 67.

⁴ См.: Бычков В.В. Феномениконы. История. Богословие. Эстетика. Искусство. – М.: Ладомир, 2009. С. 258.

⁵ От греч. *ἡσυχία* – уединение, покой, тишина, молчаливое предстояние пред Лицом Божиим, искусство глубокой внутренней сосредоточенности в безмолвном молитвенном созерцании.

⁶ Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена / сост., вступ. статья и прим. С.А. Филоненко. – М.: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. – С. 244.

⁷ Лосев А.Ф. Русская философия // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель, 1990. С. 68, 70, 76, 78. См. также: Трубецкой С.Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000.

⁸ Эрн В. Борьба за Логос. – Мн.: Харвест, 2000. С. 73.

- ⁹ Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. С. 187 – 188.
- ¹⁰ Гершензон М.О. Тройственный образ совершенства // Гершензон М.О. Избранное. В 4 т. Т. 4 / отв. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.; Иерусалим: Университетская книга: Gesharim, 2000.
- ¹¹ Хоружий С.С. Что такое SINERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 19 – 36. См. также: Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. – М.: Парад, 2005; Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / сост. и общ. ред. С.С. Хоружего. – М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- ¹² Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры / отв. ред. Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 165, 208, 351.
- ¹³ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 10 т. Т. 6 / сост. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. С. 20, 22.
- ¹⁴ Греч. λόγος – слово, изречение по смыслу, разум, рассуждение, причина, понятие, смысл, положение, определение, учение.
- ¹⁵ Эрн В. Борьба за Логос. С. 3, 347.
- ¹⁶ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта // Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. С. 427.
- ¹⁷ Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. – М.: Республика, 2006. С. 9, 15, 131.
- ¹⁸ Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Прогресс, 1994. С. 471 – 472.
- ¹⁹ Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62 – 87.
- ²⁰ Моисеев В.И. Логика всеединства. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
- ²¹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2 / общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1990. – С. 232, 192 – 194.
- ²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 139 – 140.
- ²³ Эрн В. Борьба за Логос. С. 348.
- ²⁴ Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философские науки. 1990. № 5. С. 85.
- ²⁵ «Тема времен Сократа заключалась... в попытке вытеснить спонтанную жизнь, заменив ее чистым разумом... Тема нашего времени заключается в придании разуму жизненности... Чистый разум необходимо заменить жизненным разумом, в котором он находит свое место, обретает подвижность и силу изменчивости... Культура вырастает из жизненных корней субъекта... Культура жива, пока она получает приток жизни от субъектов. Когда он прерывается, культура отделяется и незамедлительно засыхает, становясь священнодействием. У культуры есть и свой час рождения, и час священства; час лирический и час начинающегося окостенения, час завершения. В эпохи реформ, вроде нашей, нужно отказаться в доверии завершенной культуре и содействовать культуре нарождающейся» (Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? – М.: Наука, 1991. С. 25 – 29).

²⁶ Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. – М.: Языки славянских культур, 2009. С. 277, 280.

²⁷ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. С. 24 – 29.

²⁸ Там же. С. 121 – 142.

²⁹ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2001. С. 112.

³⁰ Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на тему Гумбольдта. С. 352, 247.

Аннотация

В статье рассматривается русская философия языка в широком контексте философии всеединства и истории русской культуры в целом. В истоке возникновения и развития лингвофилософского течения в русской культуре лежит культ Слова, Логоса. Выявляется специфика понимания русскими мыслителями природы и сущности Языка, принципиально отличного от понимания, сложившегося в западноевропейской философии. Особое внимание уделяется ключевой проблеме связи Языка и Сознания в русском философском дискурсе.

Ключевые слова: Слово, язык, сознание, русская философия всеединства, русская культура.

Summary

The paper considers Russian philosophy in the broad context of philosophy of all-encompassing unity and history of Russian culture in general. The origins of the establishment and development of linguo-philosophical school of Russian culture is due to the cult of Word, Logos. The author reveals the peculiarity of understanding of nature and entity of the language by Russian thinkers which is fundamentally-different from the understanding established in West-European philosophy. Special emphasis is given to the key problem of the connection between the Language and Consciousness in Russian philosophic discourse.

Keywords: Word, language, consciousness, Russian philosophy of all-encompassing unity, Russian culture.